

— Изъ этого слѣдуетъ, что ты будешь главой.

— Неправда, изъ этого слѣдуетъ, что ты берешь на себя непосильное бремя... А главой я не хочу быть... Хочу только, чтобы ты любилъ меня.

Онъ хотѣлъ взять ея руки. Но въ воротахъ показался Петръ. Ѳеодоръ Игнатьичъ помогъ невѣстѣ встать, и они вошли въ домъ, гдѣ Варвара Тихоновна уже разложила на столахъ и диванахъ покупки, и горничная хлопотала около послѣдней нескрытой картонки.

Варвара Тихоновна желала, чтобъ женихъ увидѣлъ, какое тонкое полотно купила она для Раисы, а также какія прекрасныя кружева, шелковыя и шерстяныя матеріи и даже вязаныя принадлежности женскаго туалета. Но Раисѣ стало стыдно, что маман хвастается передъ Ѳеодоромъ Игнатьичемъ ея тряпками.

— Маман, ему вовсе не любопытно, онъ мужчина, и онъ усталъ, онъ хочетъ ѣсть! Ѳеодоръ Игнатьичъ, пойдите въ буфетъ, я накормлю васъ.

Она потащила его за собой. Въ буфетѣ она сдѣлала ему бутербродъ изъ зеленого сыра и налила рюмку вина.

— Кушайте, Ѳеодоръ Игнатьичъ.

Онъ протянулъ руку къ вину, но она предупредила его и выпила сама. Впрочемъ, она не допила вина: поперхнулась отъ смѣха. Варвара Тихоновна стояла въ дверяхъ и смотрѣла на эту сцену. Первый разъ ея падчерица вела себя такъ свободно.

— Дайте мнѣ допить!—крикнулъ Гранковскій.

Раиса подала ему рюмку. Онъ напелъ то мѣсто, котораго касались ея губы, и приложилъ къ своимъ губамъ.

— Дѣти!—произнесла Варвара Тихоновна и оставила ихъ опять вдвоемъ.

— Теперь маман совсѣмъ *charmante*?—спросилъ онъ.

— Да! О, да!

Онъ оглянулся на дверь и взялъ дѣвушку за талію. Она потупила глаза.

— Пойдемъ въ садъ, — сказала она, дотрогиваясь до его руки.

— Пойдемъ. Но дай мнѣ сначала еще одинъ бутербродъ и стаканчикъ вина.

Онъ все продолжалъ держать руку на ея таліи. Раиса накормила его и поднесла къ его губамъ стаканъ вина. Гранковскій выпилъ все до дна.

Въ саду онъ счастливыми глазами смотрѣлъ на правильный профиль ея лица, и длинныя рѣсницы, и волосы неровнаго зо-